

ПРОЦЕССЫ ЭВАКУАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ И ФАКТОРЫ ГУМАНИЗМА

Обломурадов Наим Халимович

*Профессор Ташкентского государственного экономического
университета, доктор исторических наук*

e-mail: naimoblomurodov9@gmail.com

ORSID: 0009-0004-2933-5566

UDK: 94(575.1)

Аннотация: В статье с исторических позиций проанализированы эвакуационные процессы в Узбекистане в годы Второй мировой войны. Освещены масштабы эвакуации, размещение населения, социальная адаптация и гуманитарные факторы. Рассмотрены вопросы, связанные с судьбой детей, образовательных учреждений и эвакуированного населения. Обосновано место эвакуации в социальной истории и исторической памяти Узбекистана.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Узбекистан, эвакуация, социальная адаптация, гуманизм, эвакуированные дети, образовательные учреждения, историческая память, тыл, военное общество.

Abstract: The article analyzes evacuation processes in Uzbekistan during the Second World War from a historical perspective. It examines the scale of evacuation, accommodation of the population, social adaptation, and humanitarian factors. Special attention is given to the fate of children, educational institutions, and evacuated civilians. The article substantiates the place of evacuation in the social history and historical memory of Uzbekistan.

Keywords: Second World War, Uzbekistan, evacuation, social adaptation, humanitarian factors, evacuated children, educational institutions, historical memory, home front, wartime society.

Annotatsiya: Mazkur maqolada Ikkinchi jahon urushi yillarida O'zbekistonda amalga oshirilgan evakuatsiya jarayonlari tarixiy nuqtai nazardan tahlil qilingan. Unda evakuatsiyaning ko'lami, aholini joylashtirish, ijtimoiy moslashuv hamda insonparvarlik

omillari yoritilgan. Shuningdek, evakuatsiya qilingan bolalar, ta'lim muassasalari va ko'chirilgan aholining taqdiri bilan bog'liq masalalar ko'rib chiqilgan. Evakuatsiyaning O'zbekistonning ijtimoiy tarixi va tarixiy xotirasidagi o'rni ilmiy jihatdan asoslab berilgan.

Kalit so'zlar: Ikkinchi jahon urushi, O'zbekiston, evakuatsiya, ijtimoiy moslashuv, insonparvarlik, evakuatsiya qilingan bolalar, ta'lim muassasalari, tarixiy xotira, front orti, urush davri jamiyati.

ВВЕДЕНИЕ. Во время Второй мировой войны вопрос перемещения населения, учреждений и производственных мощностей из опасных районов на Восток приобрел для бывшего советского государства чрезвычайное стратегическое значение. Недостаточно оценивать этот процесс исключительно как транспортную или административную меру. Это было сложное социально-историческое явление, непосредственно повлиявшее на демографическую структуру, трудовые ресурсы, культурную среду и повседневную жизнь общества военного времени [4], [5; 124]. Центральная Азия, и Узбекистан в частности, стали одним из важных принимающих регионов в этом процессе [4].

Актуальность темы определяется, прежде всего, тем фактом, что опыт эвакуации в Узбекистане долгое время освещался на общем фоне военно-экономической истории, без достаточного анализа его социальной адаптации, судьбы детей, практики приема местного населения и гуманитарных факторов [2; 3], [6]. Современная историография требует

рассматривать эвакуацию не только как «политику переселения», но и как процесс, связанный с новой социальной средой, «временным пространством», культурой приема и массовым опытом [5; 124–125].

В этом отношении особенно важен пример Узбекистана. Архивные материалы и последующие исследования указывают на то, что в годы войны в республику было эвакуировано около миллиона, а по некоторым оценкам и больше, человек, среди которых очень большая доля составляли дети [3; 250], [7]. По состоянию на 25 ноября 1941 года отмечается, что в Узбекистан было эвакуировано около 500 тысяч человек, большинство из которых были детьми [3; 255], [7]. Эти цифры свидетельствуют о том, что эвакуация оказала чрезвычайно большое демографическое и социальное давление на жизнь республики.

Второй важный вопрос – социальная адаптация. Такие задачи, как жилье, питание, работа для эвакуированных, воспитание и образование детей, а также трудоустройство специалистов, должны были быть решены в короткие сроки [3; 248], [9]. Этот процесс осуществлялся с участием решений государства, местных властей, общественности и обычных домохозяйств. Именно здесь сходятся организационные и гуманитарные аспекты эвакуации [6], [8].

Еще одним важным аспектом темы является возможность изучения гуманитарного опыта военного времени в связи с современной исторической памятью. В послании Главы государства от апреля 2026 года о подготовке к 9 мая – Дню памяти и чести – особое внимание было уделено вопросам заботы о ветеранах, поддержки одиноких пожилых людей, памятных мероприятий и уважению человеческого достоинства [1]. Это свидетельствует о том, что в современном Узбекистане история войны, включая опыт эвакуации, становится не просто информацией о прошлом, а активной частью духовного и социального мышления.

В своих речах, посвященных ветеранам

войны и труда, президент Шавкат Мирзиёев подчеркивает, что вклад многонационального узбекского народа в Победу над фашизмом неизмерим, и что доброта и гуманность нашего народа были неотъемлемой частью истории этого периода [10; 3–5]. Такой подход также определяет основу для выбора данной статьи: необходимо анализировать эвакуационные процессы не как дополнительную тему военной истории, а как самостоятельную проблему, раскрывающую исторический опыт узбекского общества, культуру социальной адаптации и гуманистический потенциал.

С этой точки зрения, цель статьи — на основе исторических источников проанализировать масштабы, практические механизмы, формы социальной адаптации и гуманитарные факторы эвакуационных процессов в Узбекистане во время Второй мировой войны. Исходя из этой цели, были поставлены следующие задачи: определить масштабы и направления эвакуации; осветить практику переселения населения и учреждений; обратить внимание на судьбу детей, сектора образования и интеллигенции; оценить участие местного населения и гуманитарные особенности; и показать место этого процесса в современной исторической памяти.

Анализ соответствующей литературы.

Литература, посвященная изучению процессов эвакуации в Узбекистане во время Второй мировой войны, условно делится на несколько групп. Первая группа состоит из публикаций, охватывающих демографические, экономические и социальные процессы, происходившие в республике в годы войны, на общем историческом фоне. В этом отношении особое значение имеет монография, изданная в 2024 году. Она всесторонне охватывает историю Узбекистана во время войны в связи с фронтом, тылом, эвакуацией, наукой, образованием и культурной жизнью, а эвакуация рассматривается как один из центральных социально-исторических процессов в жизни республики. В частности, информация о

населении, детях и учреждениях, перемещенных в республику, их местонахождении и влиянии на жизнь населения повышает ценность данного труда [1; 237–265].

Вторая группа включает работы в области библиографии и источниковедения. Библиографический указатель, подготовленный Национальной библиотекой, ценен своей систематической классификацией литературы по данной теме. Он содержит источники по эвакуации, судьбе детей, здравоохранению, образованию, культурной жизни и политике памяти в отдельных областях. Этот указатель не только показывает масштаб и многогранность проблемы, но и позволяет переосмыслить тему на основе новых источников [2; 3–4].

Третья группа состоит из исследований, основанных на архивных документах и новых материалах конференции. Работы, опубликованные в материалах Международной научно-практической конференции 2025 года, примечательны точной документацией местных аспектов эвакуационных процессов, особенно расселения населения, обеспечения детей и практики сострадания. Например, в статье А.З. Тогаевой отмечается, что в Узбекской ССР было переселено 1,5 миллиона человек, из которых более 250 тысяч – дети; при этом представлены архивные данные об обеспечении эвакуированных семей продовольствием и предметами домашнего обихода на примере города Карши [3; 130–131]. В статье У. С. Ербутаевой 3 декабря 1941 года было принято специальное постановление о приеме и размещении эвакуированных детей, а также описана практика воспитания детей в Янгиюльской и Андижанской областях [4; 169–170]. Эти работы важны, поскольку они переводят эвакуацию из общей статистики в контекст местной социальной практики.

Четвертая группа включает специальные исследования в российской историографии. Статья М.П. Беленко анализирует численность, транспортные маршруты и характеристики гражданского населения,

эвакуированного в центральноазиатские республики, с демографической точки зрения. Автор подчеркивает, что погрешности в расчетах могут достигать 15–20 процентов в 1941–1942 годах, поэтому необходим критический подход к статистическим данным. По его мнению, в годы войны Центральная Азия приняла более 800 тысяч эвакуированных, наибольшая доля которых пришлось на Казахскую и Узбекскую ССР [5; 124–125]. Такой подход обеспечивает важную методологическую основу для оценки демографического масштаба.

М.Н. Потемкина, с другой стороны, интерпретирует эвакуацию не только как перемещение населения или административную меру, но и через призму проблемы «исторического пространства». Автор показывает, что война нарушила привычную среду обитания советского человека, появились новые пространства, такие как «бомбоубежище», «теплушка», «пункт эвакуации», и эвакуированные часто воспринимали новые места как «чужие» и временные [6; 124–125]. Такой взгляд создает теоретическую возможность изучать эвакуацию не только как организационную, но и как процесс психологической и социальной адаптации.

Пятая группа состоит из специальных работ, посвященных определенным секторам или социальным слоям. Статья А.Ю. Атажанова охватывает сектор образования, эвакуированный в Узбекистан, то есть учебные заведения, специалистов и задачи, связанные с их размещением. Отмечается, что особое внимание уделялось вопросу сохранения системы образования наряду с размещением эвакуированного населения, обеспечением условий труда и жизни [7; 770–771]. В то же время в статье Д. Годжиева и А. Давкарова анализируются проблемы кадровой, военной и трудовой мобилизации, а также распределения трудовых ресурсов в связи с механизмом эвакуации [8; 190–191]. Эти работы раскрывают институциональные последствия эвакуации, наряду с социальной адаптацией.

Шестая группа включает в себя политику сохранения памяти и документально-памятные публикации. Книга-альбом «Узбекистан во время Второй мировой войны», изданный в 2024 году, является важным источником для ознакомления общественности с историей войны, инфраструктурой памяти и новыми архивными свидетельствами. В ней приводятся точные данные о мобилизации на войну, жертвах, фронтовом труде, эвакуированном населении и детях посредством поздравительного послания главы государства; в частности, отмечается, что убежище получили около 1,5 миллиона человек и 250 тысяч сирот [9; 4–5]. В то же время показано, что память о войне связывается с современной системой национальной памяти через «Парк Победы», музей «Слава и Честь», проект «Ишу своего деда» и книги-альбомы [9; 5–10].

В своей статье «Организация эвакуации гражданского населения на Восток (на примере Узбекистана в 1941–1942 годах)» Г. Бобаджанов представляет историю эвакуации в рамках международного проекта памяти, посвященного опыту детей и беженцев, и помещает пример Узбекистана в контекст более широкой истории советской эвакуации. Тот факт, что эта статья включена в научные и документальные материалы по специальным эвакуациям, повышает ее научную ценность.

В то же время в существующей литературе остаются некоторые пробелы. Во-первых, по-прежнему мало всесторонних исследований процессов эвакуации в Узбекистане, которые бы объединяли демографические масштабы, механизмы расселения, социальную адаптацию и местную культуру приема. Во-вторых, в то время как гуманизм и толерантность чаще освещаются в журналистском духе в местных источниках, в российской историографии преобладает демографический и институциональный анализ. Поэтому данная статья призвана восполнить пробел между этими двумя подходами — национальным историческим

опытом и сравнительным научным анализом.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Данная статья подготовлена на основе сочетания классического и современного подходов к историческому исследованию. Объектом исследования стали процессы эвакуации, происходившие в Узбекистане во время Второй мировой войны. Предметом исследования были организационные механизмы этого процесса, формы социальной адаптации, практика приема местного населения, судьба детей и учреждений, а также историческое содержание гуманитарных факторов.

Методологически работа основывалась, прежде всего, на принципе историчности. Такой подход позволил рассматривать процессы эвакуации в связи с чрезвычайными политическими, демографическими и экономическими условиями военного времени. Внимание уделялось анализу эвакуации не через символическую память или журналистские оценки, сформированные в более поздние периоды, а с точки зрения решений государства, перемещений населения, проблем расселения и условий повседневной жизни 1941–1945 годов [1; 237], [5; 124].

Исследование было сосредоточено на анализе источников. В исследовании использовались местные монографии, библиографические указатели, материалы конференций, книжные альбомы, официальные документы, а также научные статьи на русском языке [1; 3], [2; 4], [3; 130], [5; 124], [6; 124], [9; 4]. При отборе источников использовались три критерия: первый — непосредственная релевантность теме; второй — фактическая достоверность; третий — пригодность для сравнительного и критического анализа. Такой подход позволил рассматривать историю эвакуации не односторонне, а в контексте различных слоев источников.

Для сравнения подходов в местной и российской историографии был использован метод сравнительного анализа.

В местной литературе эвакуация рассматривается в основном с точки зрения доброты, терпимости и коллективной поддержки, в то время как в российской историографии больше внимания уделяется демографическим расчетам, транспортным маршрутам, механизму расселения и институциональным последствиям эвакуации [5; 124–125], [6; 124–125]. Благодаря такому сравнительному подходу удалось объединить в рамках одной статьи как социально-этические, так и организационно-исторические аспекты процесса эвакуации.

В исследовании также использовался социально-исторический подход как важный методологический инструмент. Этот метод позволил анализировать эвакуацию не только через призму государственной политики или совокупности официальных решений, но и через судьбу людей, разлуку семей, судьбу детей, отношения с местным населением, проблемы жилья, питания, труда и образования [3; 130–131], [4; 169–170]. Таким образом, в статье отношения между эвакуированным населением и обществом, принявшим его, рассматривались как один из центральных элементов исторической реальности.

Благодаря систематическому подходу эвакуационные процессы анализировались не по частям, а взаимосвязанным образом. То есть переселение населения, его расселение, распределение детей в учебные заведения, прием представителей образовательной и научной сфер, перераспределение трудовых ресурсов и изменение местной социальной среды оценивались как компоненты единого процесса [7; 770], [8; 190–191]. Такой подход послужил обоснованием того факта, что эвакуация была не только краткосрочной организационной мерой, но и событием, вызвавшим глубокие социальные изменения в обществе военного времени.

Элементы контент-анализа были применены к изучению официальных речей, мемориальных документов и материалов

книго-альбомов. С их помощью были выделены повторяющиеся значимые единицы, такие как «доброта», «терпимость», «сироты», «убежище», «память», «жертва», и определено, как опыт эвакуации символизируется в современной политике памяти [9; 5], [10; 3]. Этот метод стал важным для понимания того, как историческое событие было одухотворено в более поздние времена.

В исследовании также уделялось особое внимание вопросу надежности и точности. Из-за расхождений в данных о количестве эвакуированных в некоторых источниках сохранялось критическое отношение к статистическим данным. Например, российская историография указывает на возможность погрешности до 15–20 процентов в переписи населения 1941–1942 годов [5; 124]. Поэтому в статье используется метод интерпретации данных не в абсолютных терминах, а в контексте конкретного источника.

Таким образом, комбинированное использование в статье методов историцизма, анализа источников, сравнительного подхода, социальной истории, систематического анализа и контент-анализа позволило всесторонне и научно осветить процессы эвакуации в Узбекистане во время Второй мировой войны. Данная методологическая основа позволяет анализировать эвакуацию не как простую политику переселения, а как сложное явление, проявляющееся в единстве исторического опыта, социальной адаптации и гуманитарных факторов.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ. Во время Второй мировой войны эвакуационные процессы в Узбекистане были не просто административной мерой по переселению, а всеобъемлющим историческим событием, затронувшим социальную структуру, демографическую обстановку и институциональную жизнь республики. Источники указывают, что во время войны в Узбекистан было переселено более миллиона, а в некоторых случаях до 1,5 миллиона человек, значительная часть которых составляли дети [1; 255], [3; 130],

[11]. Эта ситуация указывает на необходимость рассматривать эвакуацию не только как меру по удалению людей из зоны боевых действий, но и как сложный процесс, создающий новое социальное равновесие, обеспечивающий необходимые условия, размещение и адаптацию в принимающем районе.

Начальный этап эвакуации проходил в условиях большой спешки и организационных трудностей. Российская историография подчеркивает, что система учета эвакуированного населения в 1941–1942 годах еще не была полностью сформирована, данные о перемещениях населения поступали с опозданием, а в некоторых случаях может наблюдаться статистическая погрешность до 15–20 процентов [5; 124], [5; 126]. В этой связи при оценке масштабов эвакуации научно корректнее учитывать направление, скорость процесса и социальное давление, которое он оказывал на принимающий регион, а не абсолютное число.

Роль Узбекистана как принимающего региона была связана с его демографическими и инфраструктурными возможностями. По данным М.П. Беленко, Центральная Азия приняла за годы войны не менее 820 тысяч эвакуированных, основная часть которых пришла на Казахскую и Узбекскую ССР [5; 126]. Такое распределение объясняется транспортными маршрутами, существующей городской инфраструктурой и уже сформированной плотностью населения. Таким образом, процесс эвакуации в Узбекистан не был случайным, а осуществлялся в рамках государственной стратегии использования восточных регионов.

Доля детей в социальном составе эвакуированного населения имела особое значение. Некоторые источники указывают, что из 1,5 миллиона человек, эвакуированных в Узбекистан, более 250 000 были детьми [3; 130], в то время как другие указывают, что 250 000 сирот и детей были обеспечены жильем [9; 5], [11]. Эти цифры свидетельствуют о том, что тяжелейшее бремя эвакуации легло не

только на материальную поддержку, но и на вопросы размещения, воспитания и медицинского обеспечения детей.

В вопросе приема и размещения детей государственные решения и местные общественные инициативы дополняли друг друга. Принятие специального постановления от 3 декабря 1941 года о приеме и размещении эвакуированных детей, создание пункта приема в Ташкенте и расширение практики воспитания детей в Янгиюльской и Андижанской областях свидетельствуют о том, что этот процесс имел организационную основу [4; 169–170]. Однако важный аспект проблемы заключается в том, что это не ограничивается деятельностью государственных учреждений. Тот факт, что сотни семей приняли детей, разлученных с родителями из-за войны, свидетельствует о высокой социальной ответственности и гуманитарном потенциале местного общества [1; 256], [12].

Усыновление 14 детей разных национальностей Шохмадом Шомахмудовым и Бахри Акрамовой стало символическим примером узбекского сострадания во время войны [1; 256], [9; 5]. Однако этот инцидент не следует интерпретировать как единичный случай, а как проявление более широкой социальной среды. Поскольку архивные и мемуарные материалы содержат много информации о поддержке детей, обеспечении их жильем, распределении питания и создании для них условий в местных учреждениях [3; 130–131]. В этом смысле гуманитарные факторы были не «дополнительной» частью процесса эвакуации, а одним из главных условий, обеспечивших его принятие обществом и успех.

Вопрос социальной адаптации был одним из самых сложных аспектов истории эвакуации. Прибывающим на новую территорию было непросто адаптироваться к языковой среде, образу жизни, еде, климату и местным обычаям. Потемкина отмечает, что эвакуированные часто воспринимали новое место как «чужую» и временную среду, и что в начальный период

наблюдался недостаток взаимного доверия и общения [6; 124–125]. Однако в приведенных им примерах очевидно, что благодаря детским играм, повседневному общению и связям в жизни «чужое пространство» постепенно становится общей средой обитания [6; 125]. Эта ситуация показывает, что эвакуацию следует интерпретировать не только как административное перемещение, но и как процесс социальной адаптации и взаимного культурного обучения.

Важную роль в переселении эвакуированного населения сыграло сотрудничество между местными властями и государственными учреждениями. В случае с исполнительным комитетом города Карши были официально решены специальные запросы на обеспечение эвакуированных семей продуктами питания и предметами домашнего обихода [3; 130]. Эти данные свидетельствуют о том, что помощь эвакуированному населению в республике не была спонтанной, а была организована на основе определенной межведомственной координации. В то же время тот факт, что часть населения вернулась добровольно, и в таких случаях запрашивались дополнительные средства на муку, продовольствие и другие нужды, указывает на то, что эвакуация во время войны происходила в сочетании плановой и спонтанной форм [3; 130].

Процесс эвакуации не ограничивался населением, но также охватывал секторы образования и науки. Имеются сведения о том, что к ноябрю 1941 года в Узбекистан из России, Беларуси и Украины были переведены 22 научно-исследовательских института, 16 высших учебных заведений и 2 библиотеки, и что эта цифра впоследствии увеличилась [13; 1], [7; 770–771]. Это свидетельствует о том, что республика была не только регионом, обеспечивавшим безопасность населения во время войны, но и центром, служившим сохранению его интеллектуального и образовательного потенциала. Эвакуированные специалисты в области образования и науки оказали значительное влияние на культурную и

интеллектуальную среду Узбекистана во время войны.

Перемещение и перемещение образовательного сектора подчеркивают институциональный аспект социальной адаптации. В материалах Атажанова отмечается, что особое внимание уделялось обеспечению условий труда, жизни и образования эвакуированного населения, включая учебные заведения и специалистов [7; 770–771]. Это означает, что эвакуация была не только механизмом выживания, но и средством сохранения социальных институтов. В противном случае произошел бы сбой в воспитании детей, непрерывности системы образования и профессиональной деятельности специалистов.

Институциональные последствия эвакуации отразились и на трудовой и кадровой политике. Своевременная переброска промышленных и трудовых ресурсов в восточные регионы стала одним из главных факторов сохранения экономики, распределения рабочей силы и подготовки необходимого персонала на поздних этапах войны [8; 190–191]. Эвакуация превратила социальную адаптацию в Узбекистане в многомерный процесс, связанный не только с гуманитарными вопросами, но и с трудовой, управленческой и кадровой политикой.

Здесь также заметна разница между местной и российской историографией. В то время как местные источники уделяют больше внимания доброте, терпимости, усыновлению детей и общественной помощи [3; 130–131], [4; 169–170], российские источники фокусируются на проблемах расселения, размещения, маршрутов, общественного порядка и адаптации к «чуждой среде» [5; 124–126], [6; 124–125]. Наиболее научно корректный подход заключается не в противопоставлении этих двух аспектов, а в их объединении. Потому что эвакуация — это одновременно история численности, транспортировки и размещения, и история человеческой судьбы, детской памяти и моральных ресурсов общества.

Опыт эвакуации также занимает важное

место в современной исторической памяти. Процессы эвакуации стали не только социальной практикой во время войны, но и важным источником понимания человеческого достоинства, толерантности и исторического наследия в современном Узбекистане. Стоит отметить, что народ Узбекистана приютил около 1,5 миллиона человек, проявил любовь к 250 тысячам сирот, и этот опыт был включен в систему национальной памяти через комплексы «Парк Победы» и «Слава» [9; 4–5].

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Процессы эвакуации, происходившие в Узбекистане во время Второй мировой войны, вошли в историю республики не только как чрезвычайная организационная мера, но и как событие с глубоким социально-историческим содержанием. Эвакуированное население, дети, образовательные и научные учреждения, производственные и трудовые ресурсы сформировали новую демографическую, социальную и культурную среду в жизни республики [1; 237], [5; 124]. В этом смысле эвакуацию следует оценивать не как второстепенный вопрос в рамках истории тыла, а как одну из центральных проблем, раскрывающих опыт социальной стабильности, институциональной адаптации и гуманизма в период войны.

Во-первых, масштабы и состав эвакуированного в Узбекистан населения создали огромные социальные проблемы для республики. Высокая доля детей, необходимость в короткие сроки решить вопросы жилья, питания, образования и медицинского обслуживания сделали эвакуацию не административным решением, а процессом, основанным на широкой социальной мобилизации [3; 130], [4; 169–170]. Это свидетельствует о том, что сотрудничество между государственными органами, местными властями и населением имело решающее значение во время войны.

Во-вторых, социальная адаптация была определена как один из важнейших вопросов в истории эвакуации. Населению, оказавшемуся в новой среде, было непросто адаптироваться к языку, обычаям, образу

жизни и условиям жизни. Однако культура принятия со стороны местного населения, практика принятия детей в семьи и мобилизация системы образования и воспитания способствовали превращению «чужого места» в относительно стабильную социальную среду [6; 124–125], [7; 770–771]. Таким образом, опыт эвакуации показывает, что социальная адаптация не была спонтанной, а в значительной степени обеспечивалась коллективным гуманизмом.

В-третьих, гуманитарные факторы были одной из главных исторических особенностей, определивших внутреннее содержание эвакуационных процессов в Узбекистане. Такие практики, как прием сирот, предоставление убежища эвакуированному населению, обеспечение его продовольствием и предметами домашнего обихода, а также размещение представителей образования и науки, свидетельствуют о том, что культура толерантности в республике сохранилась даже в условиях войны [3; 130–131], [9; 5]. В этом отношении история эвакуации также является важным источником для изучения морального потенциала и социальной сплоченности узбекского общества.

В-четвертых, современная историография и политика памяти позволяют нам переосмыслить этот вопрос в новом контексте. Демографический и институциональный анализ в России, информация о судьбе детей из местных источников, а также материалы по книжным альбомам и инфраструктуре памяти создают условия для оценки истории эвакуации как с научной, так и с духовной точки зрения [5; 124–126], [9; 4–5]. Это означает, что эвакуацию следует рассматривать не только как событие прошлого, но и как опыт, обогащающий взгляды на память и человеческое достоинство в современной истории.

На основе этого можно выдвинуть следующие предложения и рекомендации.

Во-первых, целесообразно создать единую цифровую базу данных на основе документов, списков, архивных материалов, мемуаров и интервью с населением, детьми,

образовательными и научными учреждениями, эвакуированными в Узбекистан во время Второй мировой войны. Это позволит более точно определить масштабы и состав эвакуации.

Во-вторых, необходимо усилить изучение вопроса эвакуации не как вспомогательной темы военной истории, а как самостоятельной социально-исторической проблемы. В частности, необходимо увеличить количество специальных исследований, посвященных судьбе детей, местной культуре приема, участию женщин и семей, повседневной жизни и механизмам адаптации.

В-третьих, необходимо расширить сравнительное изучение подходов в местной и российской историографии. Это позволит нам объединить, с одной стороны, демографический и институциональный анализ, а с другой — аспекты гуманизма и коллективной памяти в рамках единой

научной области.

В-четвертых, целесообразно более широко включать материалы по истории эвакуации в высшее образование, музейную педагогику и духовное воспитание молодежи. Это поможет нам понять историю войны не только как историю трагедии и потерь, но и как школу сострадания, терпимости и социальной ответственности [9; 5], [10].

Процессы эвакуации в Узбекистане во время Второй мировой войны представляют собой сложное и многогранное явление, проявляющееся в единстве исторического опыта, социальной адаптации и гуманитарных факторов. Этот опыт служит прочной научной основой для понимания не только общества военного времени, но и современной исторической памяти, коллективной солидарности и представлений о человеческом достоинстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Саидолимов, С.Т., Бобожонов, Х.Б., Пўлатова, С.А., Мустафаева, Н.А., Ҳамидова, М.А., Маҳкамova, Н.Р., Юсупов, Ш.Н., Саъдуллаев, К.Қ., Назиров, М.М., Холбоева, З.С., Раҳимов, Ш.М., Нурсаидова, М.Ш., Солиев, М.М. Иккинчи жаҳон уруши йилларида Ўзбекистон: монография. – Тошкент: Zamin nashr, 2024. – 368 б.
2. Хидоятова, М., Мўминова, Д. Иккинчи жаҳон уруши йилларида Ўзбекистон (1941–1945): библиографик кўрсаткич. – Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2021. – 284 б.
3. Тоғаева, А.З. Иккинчи жаҳон уруши йилларида Ўзбекистон: меҳр-мурувват ва фронтга ёрдам (архив хужжатлари асосида) // The Second World War: In the Memory of Generations, International Scientific and Practical Conference Proceedings. – 2025. – Б. 130–133. DOI: 10.5281/zenodo.15362902.
4. Эрбутаева, У.С. Иккинчи жаҳон уруши йилларида Ўзбекистонга эвакуация қилинганлар // The Second World War: In the Memory of Generations, International Scientific and Practical Conference Proceedings. – 2025. – Б. 169–171. DOI: 10.5281/zenodo.15363117.
5. Беленко, М.П. Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. – 2019. – № 4(6). – Статья 9.
6. Потемкина, М.Н. Историческое пространство эвакуации (1941–1945 гг.) // Диалог со временем. – 2012. – № 38. – С. 124–137.
7. Атажанов, А.Ю. Иккинчи жаҳон уруши йилларида Ўзбекистонга кўчирилган таълим соҳаси // Academic Research in Educational Sciences. – 2022. – Т. 3, № 10. – Б. 770–774.
8. Тожиев, Д.Б., Давкаров, А.И. Иккинчи жаҳон уруши йилларида Марказий Осиёдаги кадрлар масаласи, ҳарбий ва меҳнат сафарбарлиги // The Second World War: In the Memory of Generations, International Scientific and Practical Conference Proceedings. – 2025. – Б. 190–198. DOI: 10.5281/zenodo.15383258.

9. Саидолимов, С., Саъдуллаев, К., Бобожонов, Х. Ўзбекистон Иккинчи жаҳон уруши даврида. Бешинчи китоб-альбом. – Тошкент: O‘zbekiston, 2024. – 296 б.
10. Мирзиёев, Ш.М. Ўзбекистон халқига байрам табриги // Ўзбекистон Иккинчи жаҳон уруши даврида. Бешинчи китоб-альбом. – Тошкент: O‘zbekiston, 2024. – Б. 4–6.
11. Уруш Ўзбекистонни ҳам четлаб ўтмаган: эвакуация қилинган миллионлаб инсонлар, етим болалар тақдири ва меҳр-мурувват тарихи // Gazeta.uz. – 2021 йил 9 май. <https://www.gazeta.uz/uz/2021/05/09/evacuation/>
12. Бобаджанов, Х. Организация эвакуации на Восток: на примере Узбекистана в 1941–1942 годах // Lost Childhood. <https://lost-childhood.com/babadzhanov-organizacija-jevakucii-na-primere-uzbekistana/>
13. Ўзбекистон Республикаси Президентининг Хотира ва кадрлаш кунига тайёргарлик, ҳарбий тайёргарлик ва ҳарбий хизматчиларни қўллаб-қувватлаш чоралари тўғрисида ахборот // President.uz. – 2026 йил 16 апрель. <https://president.uz/uz/lists/view/9112>